

ІСТОРІЯ
КИЇВСЬКИХ
ДУХОВНИХ ШКІЛ

Ткачук М. А.

**Трансформационные
процессы в духовной школе
начала XX века: опыт
Киевской духовной академии**

В свете актуальных задач, стоящих перед современной православной духовной школой, переживающей период обновления, особенно важное значение приобретает всестороннее осмысление предыдущего опыта реформ, накопленного ею в процессе своего становления, то усвоение уроков истории, которое создает предпосылки для качественных изменений, а не одних лишь формальных преобразований.

В этом смысле особенно пристального внимания историков заслуживает «реформаторское движение», охватившее православные учебные заведения России в начале XX века. Инициированное самими студентами и преподавателями духовных школ, оно «выплеснуло» наружу не только наболевшие проблемы их повседневной жизни — учебной, научной, воспитательной, бытовой, но и обозначило важнейший ракурс видения этих проблем «изнутри», стимулировав конструктивное обсуждение механизмов трансформации духовного образования, сообразной с его целями, задачами и высшим предназначением.

Что же побудило профессоров и студентов академий выступить с инициативой решительных перемен в системе духовного образования? Прежде всего, глубочайшая неудовлетворенность «наличным состоянием» всех сфер академической жизни, определяемым нормами Устава православных духовных академий, принятого в 1884 г.¹

Устав 1884 г., как известно, отличался от предыдущих духовно-академических уставов особым консерватизмом. Упраздняя либеральные нововведения 1860-х гг., он усиливал контроль за всеми сферами ака-

Статья подготовлена на основе доклада на Международной конференции «Церковь, наука, образование в России: история и перспективы» (Московская духовная академия, 11–14 октября 2010 года).

¹ См.: Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. // Киевские епархиальных ведомостей. 1884. № 11–12. Приложение. С. 1–30.

демической жизни. В частности, духовные академии неукоснительно подчинялись епархиальному архиерею. Их административная и воспитательная деятельность сосредоточивалась в руках Правлений. Отменялось право академических Советов избирать инспекторов. Инспектор назначался Святейшим Синодом по представлению епархиального архиерея из числа ординарных профессоров, предпочтительно имеющих священный сан. Устранялась введенная предыдущим уставом (1869) специализация студентов по отделениям (богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому). Для кандидатского сочинения предлагались только богословские темы. Упразднялись публичные академические диспуты: докторская степень присваивалась Синодом без защиты диссертации, лишь на основании отзывов рецензентов. Синодальные «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней», утвержденные в 1889 г., лишали академическую науку стимулов к развитию, вынуждая соискателей уклоняться от острых и актуальных тем, требующих профессионального осмысления.

Как и следовало ожидать, политика запретов и «охранительства», проводимая в конце XIX — начале XX вв., не только не принесла желаемых результатов, но и возымела прямо противоположный эффект: среди преподавателей академий, скованных многочисленными регламентациями и остро ощущавших недоверие к себе со стороны Святейшего Синода, рождались и крепили либеральные настроения; в то же время, их воспитанники по окончании академий все чаще и чаще оставляли «духовное ведомство», отдавая предпочтение светской службе.

В Киевской духовной академии, где «буква» устава, судя по воспоминаниям ее преподавателей и студентов, соблюдалась начальством с особым рвением², недовольство существующим положением дел и, прежде всего, несправием академического сообщества в решении элементарных повседневных вопросов, назревало уже с конца XIX в. Погружение России в водоворот революционных событий, в свете которых «старые пороки» академической жизни предстали с особой очевидностью, стало лишь мощным катализатором активных шагов, направленных на ее оздоровление. «Государство пришло к признанию необходимости устройства жизни на новых началах, Церковь приступила к коренным реформам в своей области, наука ушла вперед, сознание личности всюду выросло. Само собой понятно, — замечал профессор КДА Владимир Петрович Рыбинский, — что это общее движение русской жизни не может пройти

² См., например: Рыбинский В.П. К истории Киевской Духовной Академии. Курс 1887–1891 гг. [Воспоминания] / Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 33. Д. 973. Л. 6–22; Никольский И.В. [Из анкеты] / Там же. Ф. 175. Д. 1788. Л. 2 об. — 7 об.

незаметно для академий, и от него нельзя отгородиться никакими стенами. Школа должна служить жизни. Если жизнь изменилась, поставила новые задачи, создала новые запросы, то и школа должна на них так или иначе отвечать, должна к ним, так или иначе, приспособляться»³.

Первыми способность к решительным действиям продемонстрировали студенты Киевской духовной академии: в начале 1905–1906 учебного года они заявили о своем нежелании придерживаться «устаревших» учебных норм, а 6 октября 1905 г. прекратили занятия, требуя принятия нового устава, основанного на принципе академического самоуправления. Несмотря на требование Синода прекратить «беспорядки» (под угрозой закрытия КДА на год)⁴, киевские академики забастовку не прекратили. Более того, их инициатива нашла деятельную поддержку у студентов других духовных академий. В этих условиях Святейшему Синоду не оставалось иного выхода, как объявить о закрытии всех четырех духовных академий до 1 сентября 1906 г.⁵

Что касается преподавательской корпорации КДА, весьма неоднородной по своим взглядам, то ее члены отнеслись к студенческой забастовке по-разному: консервативные круги — к ним принадлежали профессор Стефан Тимофеевич Голубев (кафедра истории и обличения русского раскола), Митрофан Филиппович Ястребов (кафедра догматического богословия⁶), Василий Федорович Певницкий (кафедра гомилетики), Петр Иванович Линицкий (кафедра логики и метафизики), Константин Дмитриевич Попов (кафедра патристики), Федор Яковлевич Покровский (кафедра библейской истории), Дмитрий Иванович Богдашевский (кафедра Св. Писания Нового Завета) — выражали свое глубокое возмущение; в то же время, либерально настроенные преподаватели — профессора Николай Иванович Петров (кафедра теории словесности и истории иностранных литератур), Владимир Зенонович Завитневич (кафедра русской гражданской истории), Владимир Петрович Рыбинский (кафедра Св. Писания Ветхого Завета), Николай Михайлович Дроздов (кафедра латинского языка), Федор Иванович Титов (кафедра истории Русской Церкви), доценты Петр Павлович Кудрявцев (кафедра истории философии) и Василий Ильич Экземплярский (кафедра нравственного богословия), осознавая необходимость конструктивных перемен в академической жизни, развернули активную деятельность, направленную на реализацию идеи академического самоуправления.

³ Рыбинский В. Из академической жизни // ТКДА. 1906. Т. 1. С. 169.

⁴ См.: Извлечения из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // Там же. С. 205.

⁵ См.: Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // ТКДА. 1906. № 12. С. 589.

⁶ В 1902–1905 гг. М. Ф. Ястребов исполнял также обязанности инспектора КДА.

Уже в октябре 1905 г. созданная по инициативе и при непосредственном участии либеральной профессуры специальная внутриакадемическая комиссия разработала проект наиболее необходимых временных изменений и дополнений к действующему уставу православных духовных академий⁷. Его лейтмотивом стало придание академиям статуса *научно-учебных заведений*, имеющих главной своей целью развитие богословской науки на принципах «свободно-объективного исследования» и в соответствии со «строго научным методом»⁸. В основе механизма трансформации духовных академий в научно-учебные учреждения авторы проекта видели, прежде всего, преодоление «недоверия» к академиям как «рассадникам богословской науки», снятия «опеки» над ними и создания условий, позволяющих им «доказать свою научную правоспособность»⁹.

По убеждению авторов киевского проекта, важнейшими и первоочередными шагами в русле намеченных преобразований должны были стать соблюдение принципа выборности академического руководства, расширение состава академических советов¹⁰ и сферы их компетенции (в том числе, наделение их правом присвоения ученых степеней), проведение конкурсного отбора при замещении должности профессора, введение института приват-доцентуры, предоставление преподавателям права стажироваться за рубежом. Существенную трансформацию, по замыслу авторов проекта, должна была претерпеть и система академического воспитания, перестроенная по принципу интеллектуально-нравственного влияния преподавателей на студентов и всеобщего уважения к достоинству личности. Наконец, осуществление всех этих замыслов требовало преодоления «замкнутости» и «закрытости» духовных школ, их доступности не только для тех, кто избрал путь церковного служения, но и для каждого православного верующего, имеющего стремление и способности к получению богословского образования.

5 ноября 1905 г., после обсуждения и одобрения большинством голосов на общем собрании преподавателей КДА, упомянутый проект

⁷ См.: Проект наиболее необходимых временных изменений и дополнений устава православных духовных академий, составленный, по поручению общего собрания профессоров и прочих преподавателей Киевской Духовной Академии от 5 октября 1905 года, комиссией из профессоров Н. М. Дроздова, В. З. Завитневича, Ф. И. Титова, В. П. Рыбинского и доцентов В. И. Экземплярского и П. П. Кудрявцева и одобренный большинством членов профессорской корпорации в общем собрании 5 ноября того же года // ТКДА. 1906. Т. 1. С. 1–20.

⁸ См.: там же. С. 3–4.

⁹ См.: там же.

¹⁰ По мнению авторов проекта, именно академические советы (членами которых должны состоять не только профессора, но и доценты) призваны стать руководящим органом и средоточием академической жизни. Такой подход, в их понимании, не только не нивелировал, но и усиливал «значение выборного ректора, как органа проявления власти академического совета», служащего выразителем «воли целой коллегии профессоров» // См.: там же. С. 4.

был представлен на заседании межакадемической комиссии, созданной по распоряжению Святейшего Синода с целью выработать первоочередные меры к возобновлению учебного процесса и нормализации ситуации в духовных академиях. Для участия в работе комиссии, заседания которой проходили в Санкт-Петербурге с 10 по 22 ноября 1905 г., КДА делегировала профессоров В. З. Завитневича, В. П. Рыбинского и Д. И. Богдашевского. И председательствовавший на заседаниях обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский, и делегаты других академий одобрительно отнеслись к проекту, предложенному киевлянами, придя к выводу о том, что, поскольку проект Киевской духовной академии в своих «существенных пунктах выражает мнения всех представителей академических корпораций», то изменения в Уставе духовных академий должны осуществляться на его основании¹¹. Следует отметить, что присутствовавшие на заседаниях комиссии члены Учебного комитета при Св. Синоде епископы Сергей (Страгородский) и Арсений (Стадницкий) признали положения проекта «заслуживающими полного сочувствия и плодотворными для академического дела»¹².

Главным итогом деятельности межакадемической комиссии и нескольких рабочих совещаний с участием всех членов Святейшего Синода стало обнародование Синодального указа от 30 ноября 1905 г., признавшего необходимость расширения прав академических советов и наделения их высшей компетенцией в научных, учебных и воспитательных делах; придания попечительного характера местной епархиальной власти и, наконец, осуществления принципа выборности академического руководства. Изложенные принципы определили основное содержание синодальных «временных правил» для духовных академий, вступавших в силу 25 января 1906 г. и фактически легитимизировавших элементы академического самоуправления¹³. Таким образом, был достигнут разумный компромисс, позволивший направить жизнь высшей духовной школы в нормальное русло и возобновить учебный процесс в академиях уже с 10 января 1906 г.

Казалось бы, и студенты, и либеральная профессура Киевской духовной академии имели все основания праздновать победу, тем более, что представители последней оказались, по результатам состоявшихся выборов, на руководящих академических постах. В частности, 31 августа 1906 г. Совет КДА избрал инспектора: им стал В. П. Рыбинский, вскоре принявший на себя — в связи с избранием ректора КДА епископа Платона (Рождественского) в члены Государственной Думы —

¹¹ См.: Рыбинский В. Из академической жизни. С. 171.

¹² Там же.

¹³ Указ Св. Синода от 30 ноября 1905 г. вменял в обязанность советам академий к 1 февраля 1906 г. выработать проекты нового духовно-академического устава.

временное исполнение обязанностей ректора. На посту инспектора его сменил соратник и коллега В. З. Завитневич. Вскоре после назначения Преосвященного Платона архиепископом Алеутским и Северо-Американским Совет КДА провел выборы ректора (6 сентября 1907 г.), избрав на эту должность профессора по кафедре еврейского языка и библейской археологии протоиерея Александра Глаголева, ученые и личностные достоинства которого пользовались заслуженным уважением профессорской корпорации. Но поскольку кандидатура отца Александра так и не была утверждена Синодом, обязавшим академический Совет «избрать на должность ректора Академии другого кандидата из лиц монашествующих или такого, который изъявит согласие принять монашество»¹⁴, 19 декабря 1907 г. в КДА состоялись повторные выборы, по итогам которых новым ректором стал ее бывший воспитанник епископ Феодосий (Олтаржевский): его монашеский чин удовлетворил Святейший Синод, а порядочность, толерантность и сочувственное отношение к духовно-академической реформе — профессорскую и студенческую корпорации.

Впрочем, даже ощутимые достижения киевских поборников академического самоуправления 1905–1907 гг. оказались бессильны перед печально известной закономерностью российской дореволюционной системы образования: после каждой «оттепели» здесь обычно наступали внезапные «заморозки».

Одним из важных факторов, способствовавших оправданию указанной закономерности, стало сопротивление консервативной части церковных и академических кругов, представители которой не желали мириться с какими-либо нововведениями. Идейным вдохновителем указанного процесса в стенах КДА выступал профессор С. Т. Голубев — известный «оплот академического порядка, архиерейской власти, монашеского начальства и старого уклада»¹⁵. По поводу любого вопроса, обсуждавшегося Советом, С. Т. Голубев имел «особое мнение», суть которого сводилась к обвинениям сторонников «так называемой автономии, или, лучше сказать, аномии»¹⁶, в «потемнении и умственном и нравственном»¹⁷, в «революционаризме» и попрании традиций Киевской академии, обязанной, по его убеждению, встретить свое трехсотлетие в «исконном одеянии».

Принципиальные разногласия между «правой» и «левой» профессурой КДА обозначились со всей остротой еще в начале февраля

¹⁴ См.: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год // ТКДА. 1908. Кн. 11. С. 395.

¹⁵ Рыбинский В. П. К истории Киевской Духовной Академии. Л. 68.

¹⁶ Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1910–1911 учебный год. К., 1911. С. 204.

¹⁷ Там же. С. 206.

1906 г., в процессе обсуждения подготовленного, по требованию Синода, проекта Устава православных духовных академий. В своих основаниях упомянутый документ¹⁸, составленный комиссией, в которую входили профессора Н. М. Дроздов, А. А. Дмитриевский, В. З. Завитневич, Ф. И. Титов, Д. И. Богдашевский, В. П. Рыбинский, а также доценты В. И. Экземплярский и П. П. Кудрявцев, опирался на указанный выше «Проект наиболее необходимых временных изменений...», углубляя и уточняя его принципиальные положения о научно-учебном статусе духовных академий, необходимости преодоления их сословной и профессиональной замкнутости, внедрении в академическую жизнь начал выборности (причем «выборности на определенный срок»¹⁹: пятилетний для ректора²⁰ и четырехлетний для проректора, должность которого киевляне предлагали ввести вместо должности инспектора), включение в состав академических советов не только профессоров, но и остальных преподавателей, предоставление советам статуса высшего органа руководства учебным процессом, признание за ними права на рассмотрение диссертаций и их окончательную оценку, а также присуждение ученых степеней.

В своей «научно-учебной части» киевский вариант проекта нового Устава акцентировал внимание на необходимости сохранения, наряду с богословскими науками, наук «светских», а точнее — общеобразовательных, упразднение которых способно привести к «понижению уровня богословских знаний и сужению богословского мировоззрения»²¹, преодоления многопредметности путем возврата к специализации и разделению предметов по богословско-философскому, богословско-историческому и богословско-словесному отделениям, открытия четырех новых кафедр — истории Восточных Церквей (по сути, кафедры византологии), истории Западнорусской Церкви, основ права и начал сравнительного языкознания²². И наконец: авторы киевского проекта обосновывали необходимость сменить несколько «неоднозначное»

¹⁸ См.: Выработанный в собраниях Совета Киевской Духовной Академии 3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года проект устава православных богословских академий // ТКДА. 1906. № 8–9. С. 292–326.

¹⁹ Извлечения из протоколов заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // ТКДА. 1906. № 7. С. 238.

²⁰ Кроме того, авторы киевского проекта Устава считали необходимым условием замещения должности ректора наличие у соискателя докторской степени и научного авторитета, который, по их мнению, «не привязывается исключительно к священному сану», что создает возможность избрания ректора (в случае отсутствия достойных кандидатов из духовных лиц) из числа светских профессоров (хотя бы с утверждением его в качестве «исполняющего обязанности»). См.: Извлечения из протоколов заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // ТКДА. 1906. № 8–9. С. 241–243.

²¹ См. там же. С. 244.

²² См. там же. С. 245–247.

название «духовная академия» на «православная богословская академия»²³.

Как и следовало ожидать, большинство указанных положений проекта нового устава не встретило сочувствия «консервативной» части профессорской корпорации КДА. В частности, в лице В. Ф. Певницкого, «правые» профессора решительно возражали против «загромождения» учебных программ науками, «не имеющими непосредственного отношения к делу богословского образования», и утверждали, что «науки характера не богословского могут быть совершенно исключены из программы, предназначаемой для высшего учебного *богословского* института»²⁴; устами П. И. Линицкого, они сетовали на то, «как мало теперь в духовных академиях разумения своего назначения», вполне прозрачно намекая на тех своих коллег, которые «ищут како-то приспособления христианства ко вкусам современной так называемой интеллигенции»²⁵ и «делятся на партии из-за мелких интересов», вместо того, чтобы «сделаться представителями христианского просвещения по *убеждению*, а не только по *положению*»²⁶. Но наиболее серьезные и прямые обвинения прозвучали, как всегда, из уст С. Т. Голубева, «особое мнение» которого поддержали В. Ф. Певницкий, К. Д. Попов и М. Ф. Ястребов.

По словам С. Т. Голубева, авторы предлагаемого проекта, фокусируясь на «второстепенных» и «третьестепенных» недугах духовной школы, обошли вниманием главное и существенное, а именно — шаткость православно-церковных начал в духовно-академической среде²⁷. Именно эти начала, подчеркивал почтенный историк, являются теми «аксиомами», теми «непоколебимыми устоями», которых не могут «касаться дерзновенною рукою» те, кто, в силу своего ученого статуса, разрабатывают православную богословскую науку. Защита и охранение православия — таким должно быть главное направление их деятельности²⁸. В отличие от светских наук, науки богословские, настаивает С. Т. Голубев, «при всей свободе исследования, ограничены в конечных выводах *послушанием вере*», естественным для истинных верующих, но превращающимся в «*иго тяжкое*» для лиц, «в вере (православии) не столь твердых, колеблющихся» и стремящихся избавиться от него пу-

²³ См. Извлечения из протоколов заседаний... // ТКДА. 1906. № 8–9. С. 235–237.

²⁴ См.: [Особое мнение заслуженного ординарного профессора В. Ф. Певницкого] // ТКДА. 1906 № 8–9. С. 248.

²⁵ См.: [Особое мнение заслуженного ординарного профессора П. И. Линицкого] // Там же. С. 258.

²⁶ Там же. С. 255.

²⁷ См.: [Особое мнение заслуженного ординарного профессора С. Т. Голубева] // Там же. С. 260–262.

²⁸ См. там же. С. 268.

тями «не столько прямыми, сколько *окольными*»²⁹. Итак, по глубокому убеждению С. Т. Голубева, реформирование академий должно быть направлено на то, «*чтобы создать в них такое положение дел (такую религиозно-православную атмосферу), при котором указанный недуг не мог бы иметь места*»³⁰.

Этот исходный тезис, как следует из дальнейших рассуждений профессора, настолько противоречит убеждениям коллег-«автономистов», что избавляет его от необходимости «входить в детальное рассмотрение проекта академического устава» и, в то же время, уполномочивает к категорическому выводу, выражающему всю глубину разногласий между теми, кто стоял по разные стороны академической «баррикады»: «Реформа академий может быть совершена в двух направлениях: или в духе рассматриваемого проекта или на началах, нами намеченных»³¹.

К сожалению, в озвученных выше обвинениях в адрес так называемых профессоров-«автономистов», якобы пренебрегающих вековыми традициями, «устоями» и самой православной верой, С. Голубев и упомянутые профессора, примкнувшие к его «особому мнению», не были одиноки. Ведь борьба «нового» со «старым» велась не только в стенах КДА.

Как характерный памятник эпохи, вспомним докладную записку «Духовная школа», поданную в Святейший Синод епископом Вольнским и Житомирским Антонием (Храповицким) в конце 1905 г.³² и ставшую настоящим манифестом консервативных кругов (не случайно к этой записке весьма сочувственно апеллировал и С. Т. Голубев), сыгравшим впоследствии весомую роль в возвращении академической жизни в «правильное русло». Не жался самых мрачных красок для изображения «руинного» состояния всей системы духовных школ, усматривая во всех составляющих жизни духовно-учебных заведений и, прежде всего, академий, сплошное «безобразие» и выхолащивание «строгого церковного» духа, епископ Антоний выступает сторонником самых радикальных мер «исцеления» духовной школы, предлагая «*всю ее разогнать, разломать, вырыть фундаменты семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми*»³³. По его мнению, реформу духовных академий

²⁹ Извлечения из протоколов заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // ТКДА. 1906. № 7. С. 264–265.

³⁰ Там же. С. 265.

³¹ Там же. С. 267.

³² См.: [Антоний (Храповицкий)]. Третья докладная записка. Духовная школа. Святейшему правительствующему Синоду епископа Вольнского и Житомирского. Б. в. д. [далее текст записки цитируем по его воспроизведению в кн.: Арх. Никон (Рклицкий). Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Кн. 2. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя св. князя Александра Невского, 2004. С. 94–124].

³³ Там же. С. 96.

следует начать с исключения всех студентов, выработки нового духовно-академического устава и восстановления в статусе студентов только тех лиц, кто готовы неукоснительно выполнять его требования (такое же условие епископ Антоний выдвигал и перед профессорами-«автономистами»)³⁴. По убеждению автора «Записки», новый устав должен лишить мирян права занимать руководящие посты в академиях и предусмотреть назначение на должности ректоров исключительно епископов, на должности инспекторов — архимандритов, на должности профессоров — лиц в священном сане. Академическое образование, настаивает епископ Антоний, должно принять, прежде всего, церковно-пастырскую направленность, причем одну из академий следует претворить в «чисто духовную», то есть такую, где учащимися будут исключительно «юноши, желающие быть священниками и монахами», а их наставниками — духовные лица³⁵. В качестве действенного средства «оздоровления» академий епископ Антоний предлагает минимизировать светский компонент, изъяв из учебных планов гражданскую историю (в том числе — русскую), историю европейских литератур, латинский и греческий языки³⁶. Касаясь преподавания богословских наук, почтенный автор предлагал устранить «бессмысленную многопредметность» — в частности, «упразднить выдуманные немцами науки библейской истории и библейской археологии», содержание которых вполне укладывается в курс Св. Писания³⁷; значительно сократить курсы догматики, нравственного и пастырского богословия, гомилетики, переместив главный акцент на изучение Св. Писания и святоотеческой литературы³⁸. Наконец, выступая непримиримым противником «автономизации» духовных академий и видя в ее сторонниках исключительно «ренегатов духовного звания»³⁹, «бездарных и непросвещенных импотентов ученой мысли»⁴⁰, «плагиаторов» протестантских систем, неспособных к самостоятельному труду⁴¹, едва ли не важнейшим условием реформирования духовной школы владыка Антоний считал избавление ее от «неответственных» либеральных профессоров, усиления дисциплины и синодального контроля за преподавательской и научной деятельностью профессорской корпорации⁴².

³⁴ См.: Извлечения из протоколов заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1905–1906 уч. год // Труды Киевской Духовной Академии. 1906. № 7. С. 117.

³⁵ См.: там же. С. 121.

³⁶ См.: там же. С. 119.

³⁷ См.: там же.

³⁸ См.: там же. С. 120.

³⁹ Там же. С. 98.

⁴⁰ Там же. С. 100.

⁴¹ См.: там же. С. 95, 99.

⁴² См.: там же. С. 121–122.

В духовно-академической среде и резкий тон докладной записки епископа Антония, имевшей характер обвинительного акта, и изложенные в ней предложения, вызвали бурю негодования. Не остались равнодушными и члены профессорской корпорации КДА.

Профессора-«либералы» усмотрели в упомянутой «Записке», пронизанной «нехристианским духом нетерпимости»⁴³ и исполненной вздорных обвинений и высказываний, временами выходящих за рамки приличий, концентрированное выражение ложных представлений об академической «автономии», вовсе не подразумевавшей утрату академиями их православного характера и подчиненности высшей церковной власти⁴⁴. Несколько иное восприятие «Записки» владыки Антония продемонстрировали «правые» профессора Киевской духовной академии — в частности, С. Т. Голубев. Снисходительно списывая оскорбительные высказывания Антония по поводу духовных академий на «не вполне достоверные слухи», которым, возможно, доверился владыка, Голубев находит в основе этих суждений «немало правды», заключающейся, по его мнению, в «шаткости религиозных начал» современной ему духовной школы⁴⁵.

Как свидетельствуют последующие события в жизни духовных академий, оправившись от революционных потрясений и объединив усилия, представители консервативной части духовно-академических и церковных кругов переходят к концу 1900-х гг. к решительным действиям, направленным на восстановление «устоев» и прекращение, так сказать, «автономизационной вакханалии». По результатам синодальных ревизий духовных академий, проведенных в 1908 г.⁴⁶, в феврале 1909 г. были отменены «временные правила», как такие, которые «не дали ожидавшихся от них благих результатов»⁴⁷, и восстановлено действие духовно-академического устава 1884 г. Утвержденный в апреле 1910 г. новый устав православных духовных академий, похоронил практически все ожидания и наработки либеральных 1900-х гг. За академиями закреплялся статус «закрытых высших церковных училищ»; приоритетным направлением их деятельности определялась подготовка церковнослужителей, «предпочтительно в священном сане»; внутренняя

⁴³ Рыбинский В. Из академической жизни. С. 179.

⁴⁴ Там же. С. 172–175.

⁴⁵ См.: [Особое мнение заслуженного ординарного профессора С. Т. Голубева]. С. 261–262.

⁴⁶ Ревизию КДА в марте — апреле 1908 г. проводил, по поручению Святейшего Синода, возведенный к тому времени в сан архиепископа Антоний (Храповицкий), изобразивший в своем, к сожалению, далеком от объективности отчете всю глубину «деградации» Киевской академии (и, в равной степени, духовной школы в целом), охваченной «автономизационными» процессами (см. подробнее: Ткачук М. Київська духовна академія в освітянському «автономізаційному» русі початку XX століття // Київська Академія. Вип. 4. К., 2007. С. 149–165).

⁴⁷ Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год // ТКДА. 1909. № 11. С. 442.

жизнь академий жестко подчинялась синодальной и епархиальной власти. По академиям прошла волна «чисток»⁴⁸. На «спущенного с повода дикого коня», говоря словами архиепископа Антония (Храповицкого), был снова «накинут аркан»⁴⁹.

Подытоживая краткий экскурс в историю Киевской духовной академии начала XX в., следует, прежде всего, отметить, что «демонизация» ее профессоров и студентов, ратовавших, будто бы, за внецерковный статус духовных академий, осуществленная в «Отчете по высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии» архиепископа Антония (Храповицкого), не имела под собой никаких оснований. Представители либерального крыла профессорской корпорации КДА, так же как и их единомышленники в других академиях, были, по их собственному признанию, «далеки от мысли о превращении академий во вполне автономные или независимые учреждения, руководящиеся во всей своей деятельности самими ими устанавливаемыми законами и правилами»⁵⁰. Прекрасно осознавая, что академии «учреждены высшим церковным управлением для известных целей и содержатся на его средства, и уже поэтому ... должны находиться в непосредственном подчинении этому управлению, т. е. Св. Синоду, которому должны принадлежать не только установление самих законов существования академий, но и контроль над осуществлением этих законов»⁵¹, то, к чему стремились духовно-академические «либералы» 1900-х гг. — это всего лишь предоставление духовным академиям определенной самостоятельности в их внутренней жизни, признание их права на осуществление хотя бы элементарных начал самоуправления, устранение мелочной и назойливой опеки там, где достаточно *веры и доверия*. Ратуя об «академическом деле» отнюдь не меньше «охранителей устоев» и заботясь о судьбе взрастившей их духовной школы, являющейся для них самым непосредственным и родным «домом бытия», они стремились к подъему профессиональной научно-богословской планки, к реализации своих обширных познаний, исследовательских потенций и творческих устремлений, они пытались заявить о необходимости тех академических свобод, без которых не бывает развития науки и образования ни в духовной, ни в светской среде и без которых любое образовательное учреждение обречено на стагнацию и упадок. В их реформаторских начинаниях, так и не воплотивших-

⁴⁸ В частности, в Киевскую Духовную Академию были назначены новые инспектор (Д. И. Богдашевский) и ректор (еп. Иннокентий (Ястребов)). В отставку отправили Н. И. Петрова, отстранили от кафедры М. Н. Скабаллановича. В. И. Экземплярского уволили из академии и духовного ведомства, обвинив в «антиправославной» деятельности.

⁴⁹ Архиеп. Антоний. Отчет по высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. С. 6.

⁵⁰ Проект наиболее необходимых временных изменений и дополнений устава православных духовных академий... С. 4.

⁵¹ Там же. С. 4.

ся в жизнь, выразительно запечатлелись все противоречия той жестко централизованной, унифицированной, управляемой и всецело контролируемой государством системы образования, которая сложилась в Российской империи, не испытывавшей потребности в реализации фундаментальных академических свобод — свободы преподавания и свободы обучения. В то же время созвучие главной интенции, заложенной в попытке трансформации системы духовного образования, предпринятой в середине 1900-х гг., современной реформе духовной школы, создающей предпосылки для превращения православных академий из «музеев благочестивых обычаев» в подлинные центры церковной науки, принимающие «активное творческое участие в формировании и последующей фундаментальной научной разработке актуальных богословских, исторических и канонических вопросов»⁵², демонстрирующие «открытость миру» и способность реагировать на актуальные проблемы жизни общества, его духовные искания и культурные запросы, рождает надежду, что чаяния века минувшего сбудутся в веке нынешнем.

⁵² Павел Великанов, прот. Своевременные размышления // Богослов.ру. Научный богословский портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1078797.html>. Дата публикации: 12.09.2010.